

Приступа Татьяна Ивановна

РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ЛИНГВИСТЫ 70-Х ГГ. XIX В. – 30-Х ГГ. XX В. О ФОРМАХ ИМЕНТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА НА -А

В данной статье впервые осуществлена попытка комплексно проанализировать и систематизировать в лингвисторигорграфическом аспекте результаты исследований русскими и украинскими лингвистами 70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в. вопроса о возникновении номинативных образований мужского рода на -а во множественном числе: истоки, причины, нормы употребления и последствия в русском и украинском языках. Автор попытался проследить взаимодействие различных теорий и гипотез, их вклад в развитие историко-морфологических исследований в последующий период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 131-134. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Белль Г. Дом без хозяина / пер. с нем. С. Фридлянд, Н. Португалова. Минск: Мастацкая літаратура, 1989. 461 с.
2. Белль Г. Франкфуртские лекции // Каждый день умирает частица свободы. М.: Прогресс, 1989. 367 с.
3. Гачев Г. Д. Ментальности народов мир. М.: Эксмо, 2008. 544 с.
4. Гете И. В. Избр. соч. по естествознанию. Л.: Академии Наук СССР, 1957. 555 с.
5. Ильина Э. А. «Непреодоленное прошлое» в романе Г. Белля «Бильярд в половине десятого» // Мишина Л. А., Иванчикова Т. В., Ильина Э. А. Немецкий писатель как философ и художник. Чебоксары: Из-во Чувашского Университета, 2002. 166 с.
6. Кандинский В. О. О духовном искусстве. М.: Объединение «МАШМИР», 1992. 108 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 315 с.
8. Рожновский С. В. Генрих Белль. М.: Высш. шк., 1965. 103 с.
9. Ульманн С. Семантические универсалии / пер. с англ. Л. Н. Иорданской // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. 5. С. 250-299.
10. Böll H. Haus ohne Hüter. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1954. 330 S.

**REPRESENTATION OF NOTION “IDEAL HOME”
IN WORK “THE HOUSE WITHOUT A MASTER” BY H. BÖLL**

Ponomareva Anna Yur'evna
Russian State University
ponomareva201@yandex.com

The author reveals the content of the concept “home” in the novel “The House without a Master” by Henry Böll, and pays special attention to the revelation and description of the means of this concept representation, as well as the description of ideal family relationships, which are closely connected to the notion “home” in writer’s artistic picture of the world.

Key words and phrases: concept; language picture of the world; house; ideal image.

УДК 811.161–112/366.2

Филологические науки

В данной статье впервые осуществлена попытка комплексно проанализировать и систематизировать в лингвоисторикографическом аспекте результаты исследований русскими и украинскими лингвистами 70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в. вопроса о возникновении номинативных образований мужского рода на -а во множественном числе: истоки, причины, нормы употребления и последствия в русском и украинском языках. Автор попытался проследить взаимодействие различных теорий и гипотез, их вклад в развитие историко-морфологических исследований в последующий период.

Ключевые слова и фразы: собирательные существительные; двойственное число; ударение; аналогия; унификация флексий.

Приступа Татьяна Ивановна

Донбасский государственный педагогический университет, Украина
tatiana_pristupa@mail.ru

**РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ЛИНГВИСТЫ 70-Х ГГ. XIX В. – 30-Х ГГ. XX В. О ФОРМАХ
ИМЕНТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА НА -А[©]**

Появление номинативных образований на *-а* мужского рода, которые составляют специфическую особенность русского языка, явилось одним из наиболее поздних проявлений тенденции к унификации падежных форм существительных во множественном числе.

Несмотря на большое внимание, которое уделяли и продолжают уделять этому вопросу лингвисты, есть все основания считать, что возникновение форм именительного и винительного падежей на *-а* во множественном числе существительных мужского рода в древнерусском языке еще не получило достаточного исследования. Об этом свидетельствует отсутствие вплоть до настоящего времени в научной литературе единого мнения о последовательности протекания этого процесса и причинах, вызвавших его, на что указывает С. И. Иорданиди: «...схема ее (флексии *-а*) начального развития остается не совсем ясной» [7, с. 214].

Гипотезы о происхождении этих окончаний можно условно разделить на три основные группы: 1) исходной базой новых форм были собирательные существительные; 2) формы на *-а* возникли под влиянием именительного=винительного падежа имен среднего рода; 3) решающая роль в образовании новых форм принадлежит формам двойственного числа.

Первое предположение было высказано Ф. И. Буслаевым и получило поддержку и дальнейшее развитие в работах А. И. Соболевского, который указывал, что в древнерусском языке были в употреблении существительные женского рода с собирательным значением типа *свея, латина, господа* и др., которые нередко употреблялись с глаголами во множественном числе. Благодаря такому согласованию эти существительные «начинали постепенно переосмысляться, утрачивая собирательное значение и приобретая значение множественности» [14, с. 221]. Несмотря на то, что ученый указал и на два других возможных источника новообразований на *-а*: именительный множественных существительных среднего рода и формы двойственного числа [Там же, с. 218], решающую роль в образовании новых форм он отводил собирательным существительным женского рода. Позднее С. М. Кульбакин также высказал мнение, что эти формы «обязаны своим происхождением влиянию имен с собирательным значением на *-а*» [10, с. 53].

Против этой гипотезы выступил В. Ягич, который считал, что предположение А. И. Соболевского противоречит фактам: во-первых, почему собирательные одушевленные вызвали формы на *-а* у неодушевленных, а во-вторых, далеко не все собирательные на *-а* имеют конечное ударение, в то время как все существительные мужского рода во множественном числе типа *городá* обязательно его имеют [18, с. 111]. П. С. Кузнецов к этим аргументам добавляет тот факт, что количество собирательных форм на *-а* с конечным ударением было очень ограниченным, что уменьшает степень их влияния [2, с. 213].

В. Ягич высказал иное предположение: «Разница между *гóлоса* и *голосá, пóгреба* и *погребá, óкорока* и *окорокá* напоминает очень живо такое же различие у существительных среднего рода: *слóва* и *словá, дéрева* и *деревá*. Спрашивается, не действовала ли тут в самом деле аналогия окончания среднего рода на *-а*?» [18, с. 114]. Исследователь обратил внимание на то, что формы именительного падежа множественного числа на *-а* существительных мужского рода, обозначающих как парные, так и непарные предметы типа *берегá, городá*, начали употребляться только тогда, когда в трех косвенных падежах уже закрепились окончания *-áмь, -áми, -áхь*. По мнению ученого, это преимущество окончания, начинающегося с ударного *-á*, хотя и не вызывало, но значительно поддерживало ударный *-á* для именительного падежа: «Вследствие трех падежей *берегáмь – берегáми – берегáхь -á* вышло на поверхность также и для именительного *берегá*» [Там же].

Таким образом, В. Ягич предполагал возможное влияние существительных среднего рода на фоне выравнивания акцентной парадигмы в результате унификации флексий дательного, творительного и предложного падежей во множественном числе, хотя и вынужден был признать, что в то время наука еще не располагала достаточным количеством данных для окончательного решения этого вопроса [Там же, с. 115].

Гипотеза В. Ягича получила дальнейшее развитие в работах И. А. Бодуена де Куртенэ [1, с. 5], Л. А. Булаховского [4, с. 302], С. П. Самойленко [8, с. 102], И. М. Керницкого [9, с. 56] и других ученых. Акцентное выравнивание форм множественного числа в процессе обобщения ударного гласного, который В. Ягич рассматривал как необходимое условие распространения флексии *-а*, В. М. Марков интерпретирует как главную причину появления таких новообразований [11, с. 123-134].

А. А. Потебня допускал «двойное происхождение» [13, с. 38] форм именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-а*. С одной стороны, у относительно небольшой группы имен лингвист не исключал возможное влияние именительного единственного числа собирательных имен женского рода типа *господá*, с другой – для остальных существительных могла иметь место аналогия со стороны именительного=винительного множественного числа имен среднего рода [Там же, с. 38-39].

В первом случае значение собирательности этих окончаний, по мнению А. А. Потебни, особенно четко проступает там, где одновременно с ними употребляются и правильные окончания, которые имеют значение «единичной множественности», количества предметов или лиц, рассматриваемых отдельно, например *гóды 1822 и 1812 и годá, хлебы* и *хлебá*. В последних существительных этих пар значение нераздельности утрачивается и приобретает значение собирательной количественности [Там же, с. 32]. Иногда при этом можно наблюдать процесс семантизации вариантных отличий, ср.: *мехá* и *мéхи, образá* и *образы, поясá* и *пóясы* (географический термин), *цветá* и *цветы* (ударение на последнем слоге) [Там же].

В другом случае, по словам А. А. Потебни, «кроме сходства окончаний (*хлебá, стадá*), могла действовать тенденция в языке противопоставлять средний род как абстрактный и собирательный мужскому как конкретному и одиночному» [Там же, с. 39]. При этом, как и ранее В. Ягич, ученый был вынужден отметить, что в то время наука еще не имела бесспорных доказательств в пользу любого из предположений.

В современной науке закрепилось положение, что, не являясь источником словоформ на *-а*, собирательные существительные способствовали закреплению флексии именительного=винительного множественного числа *-а* и обособлению парадигмы множественного числа [7, с. 214, 227; 11, с. 68-80].

В ином свете представил происхождение этих форм А. А. Шахматов, чья интерпретация получила значительное распространение среди исследователей истории русского языка. Согласно его толкованию, с утратой двойственного числа представление о двойственности заменилось представлением о множественности. Форма *два гóрода* в русском языке стала осознаться как сочетание числительного *два* с существительным в родительном падеже единственного числа. В то же время с *два городá* ассоциировалось и представление о множественном числе именительного падежа. Это противоречие в русском языке разрешилось тем, что за *два гóрода* закрепилось значение родительного падежа единственного числа, а форма *городá* (вне сочетания с числительным *два*) получила значение именительного=винительного падежа множественного числа. По мнению А. А. Шахматова, имена с формой на *-а* в двойственном числе именительного=винительного падежа имели ударение на конце слова, что и объясняет, почему все формы на *-а* мужского рода

в именительном=винительном множественного числа имеют ударение на конце [17, с. 207-219]. Ученый считал, что в решении этого вопроса решающая роль принадлежит акцентологическому фактору.

Н. Н. Дурново также полагал, что форма именительного падежа множественного числа на *-а* имен мужского рода, обозначающих парные предметы, есть не что иное, как древняя форма двойственного числа: *рукава́, рогá, бока́, глаза́, берега́*, диалектное *вуса́, уса́*. Кроме того, та же самая форма именительного=винительного двойственного числа существительных, не обозначающих парные предметы, по его мнению, могла получить значение именительного падежа множественного числа сначала при числительных (в том случае, если эти существительные в силу своего значения не могли употребляться в двойственном числе с числительным, то есть невещественными), а после и не при числительных [6, с. 265].

Гипотезу А. А. Шахматова поддержали Б. М. Ляпунов и С. П. Обнорский. Последний подкрепил ее значительным диалектным материалом, хотя и усматривал в ней отдельные неточности. Основным недостатком предположения А. А. Шахматова он считал многочисленные исключения из общего правила, согласно которому все слова с подвижным ударением должны были бы иметь форму на *-а*, чего на самом деле нет (ср. *столбы, посты, дворы, суды* и т.д.). По мнению С. И. Иорданиди, «особенную ценность имеют наблюдения С. П. Обнорского про функционирование новообразований на *-а* в период их вторичного развития, когда они начинают охватывать не только существительные мужского рода, но и среднего, демонстрируя сильный индуцирующий характер флексий *-а/-ја*» [7, с. 213, 220].

Как и А. А. Шахматов, С. П. Обнорский решающую роль отводит акцентологическому фактору: формы на *-а* образовывались в односложных именах с подвижным ударением, в которых первоначальное ударение было на исторически кратких или нисходящих гласных основы [12, с. 25-26]. На это Ф. П. Филин замечал, что остается неясным большой хронологический разрыв между ранней утратой квантитативно-интонационных особенностей ударных гласных и поздним происхождением форм на *-а*. Исследователь считал, что наиболее естественным первичным основанием форм на *-а* являются имена с подвижным ударением, которые исторически употреблялись в свободном двойственном числе (*рога́, бока́* и др.), при этом не исключая, что эти формы могли получить большое распространение в русском языке в результате сложного действия целого комплекса разных факторов [16, с. 400-401].

Л. А. Булаховский допускал, что формы двойственного числа могли дать импульс к появлению в именительном=винительном падеже множественного числа окончания *-а*, однако далее, по его убеждению, действовала аналогия с существительными среднего рода [5, с. 129]. Главным обстоятельством, препятствующим признать роль двойственного числа, по мнению лингвиста, является то, что до сих пор остается открытым вопрос о происхождении ударения именительного=винительного двойственного числа в именах *-ѣ*-основ с подвижным ударением. Опираясь на данные словенского языка, единственного из живых славянских языков, который сохранил в полной мере как категорию двойственного числа, так и четкие следы бывшей акцентологической системы, можно предположить, что ударение именительного=винительного двойственного числа *-ѣ*-основ с подвижным ударением падало не на окончание, другими словами, соответственные формы звучали **бѣрега, *бѣстрова* и т.п., совпадая с родительным падежом единственного числа. Однако вопреки данным словенского языка, большинство лингвистов принимают за исходное место ударения именительного=винительного двойственного числа *-ѣ*-основ этого типа – конечное. Свои выводы они обосновывают данными литовского языка, который акцентологически, как правило, идет параллельно с фактами славянскими, в том числе русскими – *два разá, три часá, три рядá* [Там же, с. 128].

Лингвисты последующего периода рассматривают появление и развитие флексии именительного=винительного множественного числа мужских имен *-а* либо в связи с утратой форм двойственного числа, либо с влиянием именительного падежа множественного числа существительных среднего рода, принимая во внимание различные факторы, среди которых акцентологический и унификация флексий дательного, творительного и предложного падежей во множественном числе.

Акцентное противопоставление словоформ единственного и множественного числа как одна из причин распространения флексии именительного=винительного множественного числа *-а* упоминается в концепциях А. А. Потебни, В. Ягича, Н. Н. Дурново, Р. Якобсона.

А. А. Потебня определил тонические условия образования именительного множественного числа на *-а* в русском языке. Итак, эти окончания, которые или полностью вытесняют окончание *-ы/-и*, или употребляются параллельно с ними, принимают такие существительные: 1) односложные: *хлеб, хлев, сорт, дом, корм, год, род, мед, цвет, глаз, лес, шелк, бок, мех, край* и др.; 2) двусложные полногласные: *бóров, кóроб, жóлоб, стóрож, бéрег, чéреп* и др.; 3) двусложные неполногласные: *жóрнов, кúзов, пáрус, вéчер, пóяс, рука́в, лека́рь* и др.; 4) предложные: *бóстров, п́ристав, пóвод, пóгреб, пóвар, зáкром, пóлог* и др.; 5) заимствования на *г, р, л*: *обила́г, лоцман, мичман, штурман, орден, вымпел, купол, веер, мастер, номер, крендель, вексель, вензель* и др.; 6) трехсложные неполногласные: *профессор, офицер*; 7) трехсложные полногласные: *перепел, тетерев, колокол, окорок* [13, с. 34].

Ударение окончаний *-а* в этих существительных А. А. Потебня объясняет необходимостью различения форм именительного множественного числа и родительного единственного числа [Там же, с. 35].

В отличие от русского языка, для украинского ученый отмечал значительно меньшее употребление собирательной формы на *-а*: *городá, голосá, рука́ва* (восточные наречия), *човна́, вівса́, ячменá* (галицкое), *очеретá* (подольское) [Там же, с. 39]. Е. К. Тимченко формы множественного числа *грунтá, світа́* считал архаичными и несвойственными современному украинскому языку [15, с. 103], а П. А. Бузук рассматривал подобные

формы как заимствования из других языков [3, с. 67]. С. П. Самойленко, опираясь на современные исследования украинских диалектов, отмечает, что формы именительного падежа множественного числа имен мужского рода на *-а* являются «типичными для северных, в меньшей мере – для юго-восточных, и в наименьшей степени – для юго-западных говоров» [8, с. 103]. И. М. Керницький указывает на относительно редкое употребление форм типа *вівса́, хліба́*, отмечая их собирательный характер в современном украинском языке [9, с. 56].

Сложность предмета изучения – явления грамматического строя языка в их историческом развитии – приводит к выводу, что ни одно исследование или направление не в состоянии предоставить полное и исчерпывающее описание и интерпретацию языковых процессов и, лишь принимая во внимание все достижения языковедов в области исторической и теоретической грамматики, мы можем приблизиться к правильному пониманию языковых явлений во всем их разнообразии.

Список литературы

1. Бодуен де Куртене И. А. Лингвистические заметки и афоризмы // Журн. Мин. нар. просв. 1903. Май. С. 1-37.
2. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1965. 512 с.
3. Бузук П. О. Нарис історії української мови. Вступ, фонетика і морфологія з додатком історичної хрестоматії. Київ – Marburg/Lahn: Druckerei E. Mauersburger, Ihn. M. Diebel, 1927. 94 с.
4. Булаховский Л. А. Интонация и количество форм *Dualis* именного склонения в древнем славянском языке // Изв. отд. литер. и языка АН СССР. 1946. Т. V. Вып. 4. С. 302-308.
5. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка: пособие для филол. ф-тов ун-тов и фак-тов яз. и лит. пед. ин-тов УССР. Изд-е 4-е испр. и доп. К.: Радянська школа, 1953. Т. 2. Историч. комментарий. 436 с.
6. Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1-340.
7. Иорданиди С. И. Из истории форм существительных именительного множественного на *-а* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования, 1980. М.: Наука, 1982. С. 212-236.
8. Історична грамати́ка української мови: морфоло́гія / відпов. ред-р В. В. Німчук К.: Наукова думка, 1978. 539 с.
9. Керницький І. М. Система словозміни в українській мові (на матеріалі староукраїнських пам'яток XVI ст.). К.: Наука, 1967. 288 с.
10. Кульбакин С. М. Украинский язык: краткий очерк исторической фонетики и морфологии. Харьков: Печатное дело, 1919. 104 с.
11. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка: именное склонение: учебное пособие для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 1974. 143 с.
12. Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Вып. 2. Множественное число. 411 с.
13. Потєбня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1977. Т. 4. Вып. 2. 406 с.
14. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка // Труды по истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 153-233.
15. Тимченко С. К. Українська грамати́ка. К.: Друкарня товариства Н. А. Гирич, 1907. Ч. 1. 179 с.
16. Филлин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 655 с.
17. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 400 с.
18. Ягич В. Критические замечания по истории русского языка // Сб. отд-ния русского языка и словесности Имп. АН. СПб., 1889. Т. 46. № 4. 171 с.

RUSSIAN AND UKRAINIAN LINGUISTS OF THE 70S OF THE XIXTH CENTURY – THE 30S OF THE XXTH CENTURY ON FORMS OF NOMINATIVE PLURAL MASCULINE NOUNS ENDING IN *-A*

Pristupa Tat'yana Ivanovna

Donbass State Pedagogical University, Ukraine

tatiana_pristupa@mail.ru

The author for the first time undertakes the attempt to analyze and systemize in linguo-historiographic aspect the results of the Russian and Ukrainian linguists' researches of the 70s of the XIXth century – the 30s of the XXth century on the question of the origin of nominative masculine formations ending in *-a* in the plural: origins, reasons, norms of use and consequences in the Russian and Ukrainian languages; and traces the interaction of various theories and hypotheses, their contribution to the development of historical-morphological researches in the subsequent period.

Key words and phrases: collective nouns; dual number; stress; analogy; unification of inflections.